

1914 Г. КАК ПЕРЕЛОМ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Для профессиональных историков вопрос верного определения хронологических рамок исследования является неизменно важным. Актуален он и при исследовании истории отечественной науки периода 1910–1930-х гг. Традиционно в историографии ключевое значение отводится событиям 1917 г., определяя их как роковой перелом во всех сферах жизни общества, включая науку [1; 2; 3; 4]. Нельзя не вспомнить и о столь характерном для историков нежелании признавать частую условность хронологических рамок, что также приводит к не всегда очевидному выводу о 1917 г. как единственно возможной границе в истории науки. Ни в коем случае не подвергая сомнению его значение, мы все же предлагаем к рассмотрению тезис о том, что этот подход далеко не всегда является конструктивным. Учитывая сложность определения границ в истории науки, их жесткая постановка в принципе не всегда корректна. Процесс развития науки проходит постепенно и его при всем желании нельзя привязать ни к какой-либо конкретной исторической дате, ни тем более к какому-либо определенному событию социально-политической истории. Особенно это касается традиционного стремления проводить границы в истории науки по радикальным изменениям в государственном и политическом устройстве страны, масштабным социальным потрясениям. Применительно к ситуации захвата большевиками власти и попыток установления тотального контроля над научной деятельностью, можно вспомнить слова известного историка античности Э.Р. Доддса, писавшего о том, что хотя «отсутствие политической свободы способно повлиять на снижение интеллектуальной активности, однако это вряд ли может считаться определяющим фактором» [5, с. 361]. Перемены в науке были связаны не только с советизацией. Более того, есть все основания говорить, что революция в науке опередила революцию в политике. В частности, для гуманитарных дисциплин предреволюционная пора стала временем небывало бурного развития. Вся рассматриваемая эпоха была некой границей в истории гуманитарного знания в целом, кардинальным сломом в общей методологии человекознания.

На наш взгляд, на развитие науки не менее существенное влияние оказала Первая мировая война. И зачастую именно 1914-й год является по-настоящему переломным для истории науки. Обращение к нему как к границе хронологических рамок исследования способно позволить историку не только отойти от историографических штампов, но взглянуть на проблему действительно комплексно. Мысль о том, что именно 1914 г. стал переломным как для русской, так и мировой науки, уже озвучивалась некоторыми отечественными специалистами. В частности, А. Кожевников полагает, что именно с 1914 г. начинается период строительства «большой науки» в России [6, с. 87–111]. Схожей точки зрения придерживается и А.Н. Дмитриев [7, с. 32–56; 8], а также Д.А. Александров [9]. Разумеется, взгляд на Первую мировую войну как на границу в истории знания является традиционным для западных историков.

Именно Первая мировая война нанесла сильнейший удар по научному интернационализму. Рост патриотических и даже националистических настроений среди научной элиты был характерен для всех воюющих стран. Идея общечеловечности науки сменилась пониманием науки как способа помощи стране и нации, а ученые стали не столько жертвами, сколько носителями и пропагандистами этих идей [10, р. 49]. Особенно пострадала российская наука, чьи связи в силу исторических и географических причин были особенно сильны с наукой немецкой [11, р. 23].

Ученое сообщество Российской Империи было больше других социальных групп связано с заграницей [12]. Поэтому разрыв этих связей стал для нее настоящим вызовом. Потеря научных контактов с зарубежными коллегами, невозможность работы в европейских научных центрах, проблемы с доставкой литературы – все это сильнейшим образом нарушало традиционный уклад научной работы. Также резко сократилось количество публикаций в иностранных журналах («в Германии печатать свои работы было невозможно, но и пересылать статьи во Францию стало очень трудно» [9]), что являлось необходимым средством трансляции своих взглядов западному научному миру.

Существенным изменением являлось и прекращение практики зарубежных командировок студентов, оставленных при университетах для подготовки к профессорскому званию. Так, согласно подсчетам А.Е. Иванова, если в 1911 г. из 353 студентов, оставленных при университетах, в загра-

ничные университеты было командировано 40 человек (примерно 11%), то в 1915-м из 484-х только 6 (чуть более 1%) [13, с. 211]. Разумеется, особенно болезненным это было для специалистов-восточников и выпускников историко-филологических факультетов, где процент отправлявшихся за рубеж студентов был намного выше среднего. Не лишним будет упомянуть, что среди ученых «первого уровня» тех, кто имел опыт зарубежного обучения и практики, было явное большинство. Также некоторые студенты продолжали обучение за границей самостоятельно, без поддержки университетов.

Голоса тех, кто продолжал ратовать за науку без государственных границ и идеологий подавлялись большинством представителей ученого сообщества. Всем известно воззвание немецких ученых «К культурному миру», ярко символизировавшее полную ориентацию науки на подчинение задачам государственной идеологии и политики. Начиная с 1914 г. в России стали громко звучать призывы к научной автономии, борьбе с зависимостью от науки немецкой, что, учитывая высочайшую степень научных контактов между русскими и немецкими учеными, фактически означало призыв к созданию самодостаточной науки, полностью автономной от стран Запада. Несмотря на некоторые призывы компенсировать потерю контактов с немецкими учеными ростом научного содружества с коллегами из Франции и Великобритании, все же доминирующей стала идея самостоятельного научного развития [14, с. 243]. Она получила мощное развитие и после 1917 г.

Окончание войны не означало немедленного возвращения к довоенной ситуации. Научные контакты восстановились далеко не сразу [15, р. 189], выстраиваясь в 20-х годах больше на практическом уровне [7, с. 38]. Западный историк науки Эл. Крафтверд охарактеризовала межвоенный период как «интернациональная наука без интернационализма» [16]. В Советской России начавшийся с войной период изоляции частично прекратился только в 1922 г., когда ученым вновь разрешили заграничные поездки, а также стала возможной покупка иностранной литературы [12, р. 32].

Стоит помнить, что при всем довоенном и дореволюционном интернационализме, в России развитие науки проходило по своим уникальным сценариям. В частности, далеко не все идеи, торжествовавшие в научном мире нашей страны, находили существенный отклик на Западе (к ним, например, относится «новое учение о языке» Н.Я. Марра). Фундамент под

эту научную интровертность, некое старообрядчество, в особенности характерное для гуманитарных областей знания, был заложен еще задолго до событий второго десятилетия XX в. Русские гуманитарии были готовы перестать оглядываться на Запад, понимая различность общественного, политического устройства и особенностей исторического развития стран. Тем более, что значительная часть гуманитарных наук не так зависит от зарубежных открытий (в частности, отечественная история, русистика), как физика, математика или востоковедение. Подобно отличию большевизма от западного коммунизма, русская наука жила по своим законам или даже негласным правилам (конечно, было бы наивно предполагать, что на Западе отсутствовала, например, практика использования неформальных взаимоотношений, умения договариваться с представителями власти для поисков финансирования научных проектов. В художественной литературе на примере Франции предельно ярко это показано О. Мирбо в романе «Сад пыток». Однако в условиях отсутствия четко работающих механизмов принятия решений в сфере науки в первые годы постреволюционной России практика неофициальных или «обходных» путей к власти стала едва ли не общепринятой.). Безусловно, нельзя снимать с государства ответственность за формирование системы агрессивной идеологизированной конкуренции в научном мире, но стоит помнить о той готовности, с которой ученые (как старые, так и молодые) приняли эти правила игры, начав свое обучение им еще при царизме.

Следующим важным следствием начала войны было усиление зависимости науки от государства. Правительствам воюющих стран как никогда стала нужна помощь со стороны научного сообщества в технических науках, особенно в области военных разработок. Россия, с началом Первой мировой войны ощутившая явное экономическое отставание от развитых капиталистических государств, «начала серьезные исследования своих собственных, практически не освоенных, бескрайних восточных территорий. Тогда же начинают широко воплощаться идеи комплексных экспедиционных обследований» [16, с. 61]. Наиболее ярким примером работы в этой области стало создание Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС).

Схожие требования к ученому сообществу были и у большевиков, следствием чего стало довольно лояльное отношение к техническим спе-

циалистам, к ученым, необходимость которых была очевидна для новой власти. Один из самых ярких примеров – И.П. Павлов, который мог позволить себе не сдерживаться в критике новой власти. Показательны в его отношении слова заведующего Агитпропом ЦК РКП А.С. Бубнова о том, что власть может выслать А.А. Кизеветтера, но не И.П. Павлова [17, с. 319]. Отношение к специалисту зависело от его профессионализма и компетентности, а не от степени его лояльности новой власти. В качестве примера можно также привести историю химика В.Н. Ипатьева, до конца 20-х гг. продолжавшего работать в России [18, р. 87].

Несмотря на все проявления патриотизма и выражение верноподданнических настроений, характерные для 1914–1915 гг., для ученого сообщества было характерно «желание использовать в корпоративных целях общественно-политическую ситуацию» [19, с. 308], что проявлялось в постоянных попытках найти финансовую подпитку различных проектов со стороны государства. Разумеется, значительная их часть не получала поддержки. Одновременно именно Первая мировая война позволила реализоваться ряду важных начинаний, в том числе КЕПС, созданной в рамках Академии наук. Определяющую роль в этом сыграло понимание властью необходимости снятия зависимости от импорта сырья, в первую очередь, из стран-противников России в войне¹. Лозунг важности и возможности опоры только на внутренние ресурсы особенно громко звучал в это время [20, с. 7–15] и был впоследствии подхвачен большевиками.

Со своей стороны ученые продолжали воспринимать себя как сообщество, имеющее право и должное иметь возможности активно участвовать в формировании государственной политики. Таким образом, произошедший после 1914 г. переход «от академического интернационализма к системе национально-государственной науки» [7, с. 32] был понимаем ими и как возможность усиления своей роли, реализации имевшихся претензий на власть, на выполнение неких, по словам И. Сироткиной, «морально-пасторских функций» [21, с. 8; 22, с. 286] в дополнение к непосредственно научной деятельности с целью повышения своего социального авторитета. Это ставило власть перед необходимостью считаться с

¹ Пик подобных настроений среди ученого сообщества приходился на 1915 г.

ученым сообществом, что перекочевало и в постреволюционную Россию. Первые 10–15 лет после Октября 1917 г. организация и этика, дух науки являлись сплавом предреволюционных институтов и революционной идеологии [18, р. 89]. Это прекрасно видно, в частности, на примере главного научного центра страны – Академии Наук, вплоть до рубежа 20-30-х гг. сохранявшей высокую степень независимости от государства. Последнее продолжало понимать ее как главный научный центр страны. Преобразование АН произошло из ««первенствующего ученого сословия в Российской Империи» (§ 1 Устава Академии наук 1836 г.) в высшее ученое учреждение Союза ССР (п. 1 Устава Академии наук СССР 1927 г.)» [23, с. 178].

Несложно провести параллели и между отношением царизма и большевиков к науке. Схема взаимоотношений с властью, зависимости от нее была унаследована с дореволюционных времен. Как замечает Д. Вайнер, «и царское правительство, и радикалы часто рассматривали науку и образование с чисто утилитарных позиций как средство процветания государства или улучшения материальной стороны жизни, с пренебрежением относясь к тому, что называлось «наукой ради самой науки». В государстве, сменившем царский режим и созданном радикалами, большевики в удвоенной степени унаследовали подобное отношение к науке» [22, с. 287].

Начало войны ознаменовалось увеличением зависимости ученого сообщества от власти и резким сокращением частных инициатив. Ученое сообщество во многом само было ориентировано на поиск поддержки со стороны власти [12, р. 14–16]. Понимание собственной зависимости от государства была в целом характерна для России, где не было сильных традиций частного финансирования науки. В условиях мировой войны с началом рождения «большой науки» только государство могло осуществлять организацию и финансирование крупных проектов. Данная ситуация сохранилась и после войны. Как справедливо замечает А. Дмитриев, «всепроникающая и мобилизующая роль государства в научной сфере особенно ярко проявилась именно в межвоенный период» [7, с. 38]. Подобный алгоритм взаимодействия был характерен и для многих стран Запада с богатыми традициями частной поддержки науки.

Усиление патронажа науки со стороны государства и превращение его в практически единственного организатора научной жизни проявились и в смене вектора политики относительно расширения сети образо-

вательных учреждений. Среди начинаний популярного из-за своих либеральных взглядов министра народного просвещения (1915–1916 гг.) П.Н. Игнатьева нельзя не отметить увеличение числа университетов и расширение их географической сети. До войны эти идеи блокировались властью, не без оснований опасавшейся роста числа университетов как центров антиправительственных настроений и революционного движения. После революции эстафету перехватила Советская власть, создававшая массу новых центров высшего образования в различных городах страны. Весьма показательным является то, что большевики унаследовали от царского правительства и настроенное отношение к университетам [12], большинство студентов и преподавателей которых отрицательно относились к новой власти.

Таким образом, нам представляется, что вопрос границы хронологических рамок исследования должен определяться как решаемыми в нем задачами, так и исходными предпосылками. Зачастую оказывается объективно необходимым показать преемственность послереволюционной науки и дореволюционной, для чего необходимо отказаться от принятой в историографии даты 1917 г. и сместить нижнюю границу исследования. Кроме этого, именно 1914 г. более приемлем при историко-культурном подходе к проблеме. Рассматривая науку в контексте развития культуры периода, не представляется допустимым ограничивать нижнюю рамку исследования лишь послереволюционными событиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Иванова Л.В.** Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М.: Наука, 1980. 392 с.
- 2. Лейкина-Свирская В.Р.** Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981. 285 с.
- 3. Курепин А.А.** Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб.: Нестор, 2003. 360 с.
- 4. Берлявский Л.Г.** Власть и отечественная наука (1917–1941). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. 359 с.
- 5. Доддс Э.Р.** Греки и иррациональное. СПб., 2000.
- 6. Кожевников А.** Первая мировая война, Гражданская война и изобретение «большой науки» // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003.

7. **Дмитриев А.Н.** От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Отв. ред Э.И. Колчинский и Д. Байрау. СПб., 2007.
8. **Дмитриев А.** «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 88 С. 10-38
9. **Александров Д.А.** Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 3-24.
10. **Crawford E.I.** Nationalism and Internationalism in Science, 1880–1939. Four Studies of the Nobel Population. Cambridge., 1992.
11. **Goussakov M., Fomin A.** National Science and Technology Policies in the Genesis of Soviet Russia and the Problems of International Cooperation of Scientists: Between Isolation and Openness // Internationalism and science / Ed. By Aant Elzinga and Catharina Landström. 1996. London, Los Angeles.
12. **Tolz V.** Russian Academicians and the Revolution. Combining Professionalism and Politics. London, 1997. P. VIII.
13. **Иванов А.Е.** Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М., 1991.
14. **Дмитриев А. Н.** Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Отв. ред Э.И. Колчинский и Д. Байрау. СПб., 2007.
15. **Landström C.** Internationalism Between Two Wars // Internationalism and science / Ed. By Aant Elzinga and Catharina Landström. London, Los Angeles. 1996. P. 48; *Nye M.Jo* Before big science: the pursuit of modern chemistry and physics 1800-1940. New York, 1996.
16. **Митин В.В.** Трансформация организационной и научной деятельности РАН в 1917–1925 гг. // Метаморфозы истории. 2013. № 4. С. 59-78.
17. **Finkel St.** On the ideological front: the Russian intelligentsia and the making of the Soviet public sphere. New Heaven, London, 2007.
18. **Graham L.R.** Science in Russia and The Soviet Union. A Short Story. Cambridge, 1993.
19. **Ростовцев Е.А.** Университет столичного города (1905-1917) // Университет и город в России (начало XX века). Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009.
20. **Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.** Академический патриотизм: пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 3 (35). С. 3-21
21. **Сироткина И.** Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. М., 2008.
22. **Вайнер Д.** Активисты природоохранного движения и социальная идентификация // За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки. СПб., 2002.
23. **Берлявский Л.Г.** Правовой статус Академии наук в 20-е годы XX века // Право и образование. 2012. № 3. С. 166-179.